

На столе лежала упаковка таблеток, которую достал Ци Чжоу, а вместе с ней — медицинская карта: «Выраженная тревожность, симптомы депрессии средней тяжести, наличие симптомов гипомании». Тогда на приёме врач, прочитав это, взглянул на Цзян Шоуяня и сказал, что, скорее всего, форма тяжёлая, и порекомендовал совмещать медикаментозное лечение с психотерапией. Врач амбулатории отвечал лишь за постановку диагноза и выдачу рецепта. Ци Чжоу держал в руках рецептурный бланк, и, когда его взгляд упал на приписку после клинического диагноза: «Специфическое заболевание, требующее длительного приёма препаратов», у него внезапно защипало в глазах. У Цзян Шоуяня тогда ещё хватало сил с ним шутить:

— Болею же я, ты-то чего плачешь?

Ци Чжоу смотрел на его такие же покрасневшие, припухшие глаза и вспоминал, как Цзян Шоуянь бессознательно дрожал, пока сидел в коридоре в ожидании своей очереди, и уже в кабинете, оказавшись перед врачом, не успел раскрыть рта, как из его глаз покатались слёзы. Это не было ни слабостью, ни позёрством — просто совершенно неконтролируемая физиологическая реакция. Поплакав, Цзян Шоуянь заговорил с лёгкой гнусавостью. Возможно, из-за того, что эмоции нашли выход, он, глядя на Ци Чжоу, даже чуть заметно дёрнул уголком губ.

Ци Чжоу вдруг вспомнил Цзян Шоуяня в детстве: сбежавший отец, безумная мать. Такие семьи легче остальных становятся предметом досужих сплетен, их каждодневные беды превращаются в новое развлечение, тему для беседы за обеденным столом. Детям из неблагополучных семей тоже приходилось несладко: в школе Цзян Шоуянь был изгоем: над ним насмехались, рвали его тетради, подбрасывали в парту дохлых мышей... Казалось, им очень хотелось увидеть, как сын сумасшедшей сорвётся и тоже завоюет, как псих. Но, к их разочарованию, Цзян Шоуянь не оправдывал ожиданий: не срывался и не выл, он просто разворачивался и до полусмерти избивал обидчиков, при этом приговаривая:

— Если есть яйца, не вздумай жаловаться учителям и предкам.

В то время тело Цзян Шоуяня было покрыто ссадинами и синяками: часть из них оставляла мать во время припадков, остальные он получал в драках. Сердце Ци Чжоу всякий раз при виде этих отметин обливалось кровью, а Цзян Шоуянь, в точности как сегодня, чуть приподняв

уголки губ, шутил:

— Раны же на мне, ты-то чего ревёшь?

Ци Чжоу до сих пор помнил, как спросил его тогда:

— Тебе и правда всё равно?

Цзян Шоуянь, смывая в речке следы чужих подошв со своей одежды, ответил:

— Ага.

— Тогда почему ты вчера ночью тайком плакал?

Движения Цзян Шоуяня замерли.

Голос из окна аптеки, выкрикивающий имя его друга, вырвал Ци Чжоу из воспоминаний. Он в пару шагов подошёл к окошку, забрал лекарства и принялся подробно объяснять Цзян Шоуяню дозировку и способ применения.

— Вот это — в первую неделю по одной таблетке каждое утро, со второй недели дозу

увеличиваем до двух таблеток утром. Смотри не перепутай. Погоди, я попрошу ручку и запишу.

Цзян Шоуянь потянул его за пакет обратно:

— Не надо, я запомнил. Не буду пить как попало.

И он действительно не пил их как попало. Он самовольно бросил их принимать ещё до того, как пришло время увеличивать дозу. Ци Чжоу тогда одновременно злился и сходил с ума от тревоги, а Цзян Шоуянь, ещё не оправившийся от побочных эффектов, у которого всё плыло и кружилось перед глазами, сказал:

— Это слишком. Лучше умереть, чем так мучиться.

И Ци Чжоу вновь не нашёл с ответом.

Погода в Сычуани была странной: в сентябре пекло так же нещадно, как в разгар лета. Слепящие лучи полуденного солнца пробивались даже сквозь шторы. Цзян Шоуянь листал переписку с Чэн Цзайе, начав сначала.

«Запрос на добавление в друзья».

«Я принял ваш запрос, теперь вы можете начать общение».

Цзян Шоуянь принялся перечитывать сообщение за сообщением. Пока он был заперт дома, это стало для него одним из немногих развлечений.

«Я дома».

«Только что поужинал с Пауло, поэтому так поздно».

«Пауло — друг, который помог мне снять жильё».

«А ты поел?»

«Угу».

«Завтра суббота, ребята позвали меня поиграть в пляжный волейбол».

«Хотел узнать, есть ли у тебя на завтра какие-то планы?»

«Если нет, не хочешь пойти с нами? Заодно и одежду тебе верну».

«Угу».

«Мы выезжаем в половине пятого, как раз успеем на смотровую площадку к рассвету. Оденься потеплее, в горах довольно холодно».

«Угу».

«Мне что-то не спится, поэтому я пришёл пораньше. Тебе тоже не спится?»

«Угу».

«Цзян Шоуянь, а давай поедem прямо сейчас?»

Цзян Шоуянь перечитывал их одно за другим, как вдруг экран перед его глазами расплылся. Он смахнул слёзы. Сообщения перенесли его назад во времени: он видел море, подсолнухи, пляж, закаты и рассветы. Видел старые, но не утратившие своего очарования здания; усыпанные лепестками жакаранды улицы; видел самого себя в объективе фотоаппарата Чэн Цзайе. Туман на горных вершинах, ветер бескрайних просторов — и золотисто-карие глаза, с безграничной нежностью смотрящие на него. Слёзы хлынули безудержным потоком. Сидя на диване, он разрыдался.

Светлые моменты прошлого медленно проплывали перед глазами, растворяясь в беспросветной тоске, таящейся в груди. Воспоминания удерживали его на плаву в каждую из полных отчаяния ночей. Благодаря им в те моменты, когда боль становилась невыносимой, он ни на единый миг не желал умереть по-настоящему.

На самом деле, Цзян Шоуяня не впервые обуревали подобные чувства. Когда он был младше, тайком утирал ночами слёзы, а на следующий день как ни в чём не бывало закидывал на плечи рюкзак и шёл в школу. Он не понимал, почему мать никогда не смотрела на него с добротой, почему безо всякой причины кричала, била и ругала его. Из-за этого каждый раз, когда он приносил ей еду, он подолгу топтался у двери, не зная, какой мать будет сегодня — спокойной или в ярости. В минуты нежности она могла гладить Цзян Шоуяня по щеке и приговаривать: «Чем старше становишься, тем больше похож», а потом вдруг ни с того ни с сего отвесить ему пощёчину с воплем: «Это всё из-за тебя! Всё из-за тебя!»

Бабушка каждый раз с болью в сердце смотрела на его ссадины, но поделать ничего не могла: с одной стороны — дочь-инвалид, с другой — малолетний внук. Ей оставалось лишь гладить Цзян Шоуяня по голове и повторять:

— В следующий раз не заходи к ней, просто оставь еду у порога. Проголодается — сама откроет дверь и заберёт. Янь-Янь, постарайся понять маму. Она просто пока не может смириться со своей инвалидностью. Это пройдёт, всё наладится.

«Наладится ли?» — растерянно думал Цзян Шоуянь. Ведь так продолжалось уже четыре года.

Однажды оставленная у порога еда простояла нетронутой несколько дней подряд. Мать не притронулась даже к воде. Поджав губы, Цзян Шоуянь всё же не выдержал и потянулся открыть дверь. Толкнув её, он почувствовал сопротивление и подумал, что мать снова чем-то её подпёрла. Протискиваясь в образовавшуюся щель, он тихо позвал:

— Мама, это я. Я только посмотрю, как ты.

И тут перед ним предстала картина, которую он не сможет забыть до конца своих дней. Мать с открытыми глазами висела в петле из шарфа, привязанного к дверной ручке.

После этого Цзян Шоуяня очень долго мучили кошмары. Дни проходили как в тумане, у него начались слуховые галлюцинации, пропал сон, по ночам мальчик часто плакал.

Вскоре он поступил в лучшую среднюю школу города. Она находилась далеко от дома, поэтому ему пришлось жить в интернате. Смена обстановки пошла ему на пользу: состояние заметно улучшилось, вот только былой жизнерадостности поубавилось. Большую часть времени Цзян Шоуянь проводил, уткнувшись в учебники, да и друзей у него почти не было. Учился, сдавал экзамены — и в итоге поступил в университет.

Он постепенно вырос, а бабушка — старела. За учёбу и проживание в университете Цзян Шоуянь платил сам, да ещё и умудрялся каждый месяц откладывать по пятьсот юаней для бабушки, а на каникулах отдавал ей всё накопленное.

Бабушка постарела, похудела и словно ссохлась, став ниже ростом, а кожа на её шее собралась дряблыми складками. Когда Цзян Шоуянь возвращался домой на каникулы, она радостно встречала его вопросом, что он будет есть. Цзян Шоуянь с порога обычно отвечал:

— Да что угодно.

— Тогда сварю лапшу с помидорами и яйцом.

Тогда Цзян Шоуяню и правда казалось, что жизнь налаживается. Он скоро выпустится, устроится на работу, начнёт зарабатывать деньги и сможет обеспечивать бабушку. Затем действительно последовало несколько очень тёплых и спокойных лет. Как бы он ни уставал на работе, заходя во двор и поднимая взгляд на свет в родном окне, он понимал, ради чего старается.

Вот только судьба, казалось, питала особую слабость к злым шуткам. Цзян Шоуянь до сих пор помнит тот вечер: обычный выходной, бабушка наготовила целый стол еды. Отложив сумку, Цзян Шоуянь удивлённо спросил:

— А что за повод сегодня? Пир горой!

Бабушка строго зыркнула на него:

— А в обычные дни я тебя, значит, плохо кормлю?

С улыбкой вымыв руки и раскладывая рис по пиалам, он миролюбиво отозвался:

— Хорошо, хорошо. Твоя стряпня — самая вкусная. Позвать Ци Чжоу с ребятами спуститься к нам? У Ци Чжоу сегодня вроде ранняя смена.

Раньше каждый выходной, если получалось собраться вместе, друзья всегда обедали у Цзян Шоуяня. Бабушка, медленно неся супницу, проговорила:

— Сегодня поедим по-тихому, не зови их.

Но потом Цзян Шоуянь заметил, как она, зайдя на кухню, достала ещё две пары палочек. Указав на те две пары, что уже лежали на столе, он спросил:

— Ты же только что уже доставала? Что такое? Всё-таки хочешь их позвать?

Бабушка замерла на мгновение, а затем просто улыбнулась. За ужином она говорила очень много.

— Тебе в этом году исполнится двадцать девять.

— Так ведь ещё несколько месяцев до этого, разве нет?

— Пора бы тебе остепениться, — проговорила бабушка, ковыряя палочками рис в пиале. — Если встретишь кого-нибудь хорошего, попробуй завести отношения.

Цзян Шоуянь не придавал её словам особого значения и отшутился. Самый обычный вечер — не было сказано ничего плохого. И Цзян Шоуянь совершенно не понимал, почему, когда он проснулся, его мир перевернулся с ног на голову.

Бабушка бросилась в воду под утро. Цзян Шоуянь спал, на улице тоже никого не было. Когда её тело вытащили из воды, Цзян Шоуянь почувствовал, как внутри него что-то рухнуло. В полной прострации он вернулся домой и, разбирая вещи покойной, нашёл больничное заключение. В нём значился диагноз: «болезнь Альцгеймера».

У бабушки были подружки-ровесницы, с которыми она часто выходила на прогулку. Стоило им собраться вместе, начинались обсуждения всего на свете: как в восьмом квартале кто-то опять умер от сердечного приступа, или чьи сын с дочерью заколотили целое состояние. Когда бабушка слышала, что у одной старушки из седьмого квартала вдруг стала портиться память,

и после того, как сын отвёз её на обследование, выявили старческое слабоумие, она внезапно погрузилась в молчание. А потом спросила:

— В какую больницу возили? Во сколько всё обошлось? И лечится ли это?

— Да в ту больницу за углом. Какое там лечится, если уже слабоумие. Та, из седьмого, сначала просто всё забывала, а потом и вовсе перестала узнавать родных. В прошлый раз я встретила её у подъезда — так она со всеми подряд глупо хихикает. Ох, чистое наказание для семьи. Невестка только-только родила, а тут старая совсем умом тронулась.

Цзян Шоуянь даже представить не мог, как безграмотная старушка сама добралась до больницы, записалась на приём к врачу и, в конечном счёте, получила это заключение на руки. Бабушка прекрасно знала, какой это тяжкий труд — ухаживать за другим человеком, тем более за стариком, который в итоге потеряет способность обслуживать себя сам. Она считала, что прожила достаточно, а вот Цзян Шоуянь ещё молод. Она ни за что не позволила бы себе стать для него обузой.

<http://bllate.org/book/14908/1603871>